

Константин Дометти

К ВОПРОСУ О ВНЕКЛАССНОМ ЧТЕНИИ (1900)

*Впервые опубликовано в: Педагогический сборник. 1900. № 4.
С. 344–349.*

Что читают наши кадеты? В каждой школе имеются свои ротные библиотеки, специально предназначенные для пользования кадет. Кроме того, с разрешения инспектора классов допускается выдача книг из фундаментальной библиотеки, имеющейся при каждом корпусе. Книги, приносимые кадетами из дому, должны быть представляемы отдельному офицеру-воспитателю к подписи и разрешаются к чтению на его, воспитателя, ответственность.

Ротные библиотеки состоят из 9-ти отделов; из них отдел II — словесность, читается больше всего; читаются также книги исторического и военного содержания, но значительно меньше; остальные отделы спрашиваются в виде исключений. В общем материала для чтения разумного и интересного у кадет достаточно. Между тем не редкость услышать со стороны кадет жалобу на недостаток книг; кадеты нередко обращаются с просьбой выдать книги из фундаментальной библиотеки, с указанием, какое именно сочинение интересует просителя, но чаще с общей просьбой дать что-нибудь позанятнее. Было бы ошибкой думать, что ротная библиотека вся перечитана, и что читать действительно нечего. Напротив, трехлетний опыт убедил нас в том, что, уходя из роты, редкий кадет прочитал большую часть ротной библиотеки, а таких, которые прочли бы все книги, мы не запомним ни одного.

Существует мнение, будто кадеты вообще читают мало, особенно по сравнению с воспитанниками других средне-учебных заведений. Я не знаю, сколько читают в гимназиях, но в зависимости от внеклассного досуга и количества времени, которое кадет может посвятить чтению, книг прочитывается достаточно, даже больше: книг прочитывается скорее слишком много, чем мало. Объясняется это отчасти самою манерою чтения. Про кадет нельзя сказать, чтоб они читали мало; но они читают непозволительно скверно.

Во-первых, каждая книга оценивается средним читателем исключительно с точки зрения занимательности; все, что есть в книге серьезного, поучительного проглядывается вскользь или даже пропускается вовсе. Каждая книга в руках такого читателя распадается на две существенно различные части: одну — интересную, другую — *скучную*; первая дочитывается, вторая пропускается. В каком бы сочетании эти две части между собою ни находились, литературный скальпель юного критика весьма искусно отделяет одну от другой, будь это путешествие, вроде «Фрегата Паллады», или охотничьи рассказы во вкусе Густава Эмара, или даже беллетристический рассказ. Этим объясняется и та поистине изумительная быстрота, с которою книги возвращаются в ротные библиотеки. Вдумчивости, самостоятельности взгляда и серьезности интереса не может быть при таком чтении. Напротив, оно вырабатывает неуважение к чужой мысли, пренебрежение к слову великих мыслителей, и, как результат этого, непонимание и даже неспособность к отвлечениям и сознательной оценке произведений слова.

Из распросов большинства читателей не трудно убедиться в справедливости такого наблюдения.

Затем, вторым отрицательным признаком, характеризующим читателя ротных библиотек, является отсутствие определенного вкуса или интереса к известному разряду литературных произведений. Книги черпаются, главным образом, из 2-го отдела, словесности, лишь изредка чередуясь с другими отделами. Мне случалось встречать весьма редких любителей чтения специально военного, исторического, а тем менее естественно-исторического содержания. Средний читатель сбивается в общую группу кадет, ищущих чего-нибудь позанимательнее, независимо от того или иного характера содержания. Обстоятельство это, также как быстрота и легкость чтения, не выгодно отражаются на его производительности, лишая его определенного характера и направления и отнимает от чтения ту силу, с которою оно могло и должно было бы влиять на духовную сокровищницу читателя.

Мы глубоко убеждены, что такое невдумчивое, торопливое и не систематическое чтение не может принести существенной пользы для развития ума и сердца юного читателя. Допуская даже, что существенная часть произведения прочтется со вниманием, самый факт пропуска, хотя бы и несущественного, принесет вреда гораздо больше, чем можно этого ожидать. Во-первых, такое чтение, прививая дурной вкус к книге, может только убить природную любознательность. Ведь далеко не про всякого любителя чтения

можно сказать, что он любознателен и в книге ищет удовлетворения этому чувству. Книга, дурно прочитанная в юные годы, не прочтется вновь больше никогда, это можно сказать с уверенностью, ибо книга, в смысле занимательности, дала уже все и надо быть исключительно любознательным, чтобы обратиться снова к тому, что уже известно со стороны занимательности. Представим себе в руках 13–14-летнего мальчика «Дворянское гнездо» Тургенева. Допустим наилучшие условия при чтении: допустим, что, заинтересовавшись книгою, он прочтет весь роман с полным вниманием, на которое способен читатель этого возраста. Даже при исключительном развитии много ли может воспринять и сознательно усвоить, *переварить духовно* читатель 13–14 лет из этого романа? Смею думать, что существенное, все то, что касается психологии взрослого человека, истории нашей общественности и т.под., останется для него скрытым, притом, не по недостатку умственного развития, которое может быть относительно очень высоким, а просто потому, что идеи и понятия из области психологии, общественных отношений, этики и т.под., приходят лишь в известной постепенности. Вот для развития этой постепенности раннее и так сказать неосторожное чтение может внести большой диссонанс.

Мы далеки от мысли делить весь материал для чтения на дозволенный и недозволенный с точки зрения нравственных условий развития юношей. Запрещение той или другой книги только потому, что там могут встретиться образы и положения, возбуждающие чувственную сторону воображения, основано на предрассудке и не вытекает из действительных условий юношеского возраста¹. Не это заставляет нас удерживать юношей от торопливого и несвоевременного чтения; нас останавливает неспособность читателя по условиям возраста извлечь из книги всю ту пользу, которую она может и должна принести при чтении своевременном. С этой точки зрения я, например, изъял бы из обихода кадет средних рот (3–5 кл.) все то, что касается социальной жизни современного русского человека, его психологии и этики; я исключил бы все произведения, которые имеют особенное значение в истории развития нашего общественного самосознания, ибо такие произведения надо прочесть ближе к той эпохе, когда курс истории русской словесности изъяснит истинный смысл и значение таких произведений, как, напр., «Дым», «Накануне», «Новь», «Обломов», большей части Некрасова и т.под. На том же основании я исключил бы Достоевского, Золя не только из библиотек средних, но даже и старших рот, ибо нельзя начинать изучение жизни какой бы то ни было с отрица-

тельных явлений; нельзя дать полное и верное понятие о должном, говоря только о том, что не должно...

Боюсь, что меня упрекнут в узости взгляда. Как, помилуйте, возразят мне прежде всего преподаватели русского слова: вы хотите запереть все развитие ученика в рамки учебника? Совсем нет! Пусть читают, но не много, или вернее, не *многое*, хотя бы даже *много*. Пусть чтение будет согласовано по содержанию с той ступенью развития, а главное — возраста, на которой находится средний воспитанник; пусть он читает не торопливо, а вдумчиво; вдуматься же он может лишь в то, что ему уже известно раньше, или что состоит из знакомых и известных ему элементов. Но об чем же будет рассуждать преподаватель словесности в VII кл., если его ученики не будут знать произведений новейшей литературы? На чем ученик научится вдумываться в общественные отношения, научится понимать современного человека, как не на тех же произведениях? Совершенно с этим согласен. Но ознакомление с этими произведениями должно быть отложено на *возможно поздний срок* и должно быть *экономно*: в слишком обширном материале юный ум разбросается; тем более, что цель курса словесности, помимо техники слова заключается в том, чтобы дать метод к наблюдению общего в частном явлении, а не объяснить всю массу жизненных явлений и отношений во всем их разнообразии.

В деле воспитания внеклассное чтение является фактором несомненной важности. Обогащая сведения воспитанника, расширяя его умственный кругозор, чтение может и должно формировать индивидуальность и характер, но лишь при условии экономности, неторопливости и систематичности в чтении. Чтение запоем не может принести существенной пользы. Калейдоскоп образов, идей, представлений, мелькающих пред умственным взором юного любителя чтения, не оставит прочного следа в развитии его духовной природы. Обильное чтение, как занятие чисто пассивное, приучает ум пассивно следить за чужой мыслью. Ум читателя работает, но это работа чисто пассивного, а не активного характера. Потом, после чтения, уже на основании полученного в чтении материала, может наступить активная работа. Но это совсем иной процесс, самостоятельный и от чтения более или менее независимый. Несомненно, однако, что это работа мысли, последующая за чтением, не может быть плодотворной, если материала, полученного от чтения, слишком много, не по умственным силам читателя. Без преувеличения можно сказать, что на развитие воли чтение может действовать даже расслабляющим образом².

Резюмируя эти мысли и наблюдения, мы приходим к твердому убеждению, что не о расширении материала для чтения нам приходится думать в настоящее время, а об упорядочении, систематизации и разумной экономии его. Чтение может дать много; оно должно дать гораздо больше того, что оно дает нашим детям в настоящее время; но для этого оно должно быть редким и сильнодействующим средством³.

При Главном Управлении в.-у.зав. существует постоянная комиссия для выбора и рассмотрения книг, годных в ротные библиотеки кадетских корпусов; поэтому корпуса имею полную гарантию в своевременном и разумном пополнении этих библиотек. Но дальше этого деятельность комиссии идти не может. Воздействовать на читателя, как такового, сформировать из кадета желательный тип читателя может только тот, кто стоит непосредственно у дела воспитания.

Примечания

¹ Островский А. Н. Пед. сборник. 1900. Февр. С. 176.

² «Для того, чтобы написать письмо, потребуется большее усилие воли, чем для прочтения целой книги», прибавим от себя, завлекательного содержания. А. Д.Б.

³ Замечательно, что главным контингентом любителей чтения запоем являются натуры ленивые, инертные и пассивные.